

13. Список полковникамъ по старшинству. Составленъ по 1-е марта 1913 г. – СПб.: Военная Типография, 1913.
14. Списокъ Генеральнаго штаба. Исправленъ по 1-е июня 1914 г. – Петроград: Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914.
15. Радус-Зенкович, Л.А. Очерк встречнаго боя. По опыту Гумбиненской операции 1914 г. Критико-историческое исследование. – М., 1920.
16. «Разведчик» №1234 от 1914 г., №1275, №1279, №1294 от 1915 г.; ВП 18.3.1915
17. ВП 10.12.1914
18. ГАРФ. – Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 9.
19. Летопись войны 1914–1917. №44. 1915.
20. Летопись войны 1914–1917. №52. 1915.
21. Стратегический очерк войны 1914–1918. В 7-ми ч. Ч.4. – М.: Высший военный редакционный состав, 1922.
22. ГАРФ. – Ф.Р-5793. Оп. 1. Д. 2.
23. ЦАМО РФ. – Ф.500. Оп. 12519. Д. 152.
24. Летопись войны 1914–1917. №60. 1915.
25. Елисеев Н.Ф. Свенцянский прорыв (1915): военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре-октябре 1915 г. – М.: Государственное военное издательство, 1936.
26. Летопись войны 1914–1917. №64. 1915.
27. ВП 3.6.1915
28. ВП 3.11.1915
29. ВП 21.1.1916
30. ВП 16.2.1916
31. ВП 10.4.1916
32. ВП 6.1.1917
33. Приказ по армии и флоту 20 марта 1917 г. // Сборник приказов по армии и флоту. СПб.: 1917. Lietuvos kariomenės karininkai 1918 – 1953. VI tomas. Vilnius, 2005.

ЖЕНЩИНЫ НА ВОЙНЕ: ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

И.В. Николаева

Тотальные войны XX столетия, ознаменовавшиеся невиданной вовлеченностью в вооруженный конфликт гражданского населения, в том числе женщин, изменили традиционное представление о войне как прерогативе мужчин. Условия двух мировых войн и их тыловые реалии разрушили культурно устоявшийся взгляд на женщин как пассивных жертв, нуждающихся в защите, сделав их активными действующими лицами. Для самих женщин это была возможность реализовать себя в новом качестве, за пределами прежних стереотипов женщины-матери и домохозяйки и «открыть» обществу новые неизвестные прежде свои стороны. Анализ предпосылок, источников и реализации эмансипации женщин через призму военного фактора является одним из актуальных направлений в современной историографии женской проблематики, идущих по пути гендерных разработок. Различные исследования анализируют, как война изменила положение женщин в обществе и имела ли она «освободительный эффект», как трансформировались гендерные стереотипы и гендерные роли, как общественные институты ограничивали в условиях войны возможности изменения гендерных отношений, которые сложились в довоенном обществе [1].

Изучение положения женщин в специфическом контексте войны с позиции гендерных представлений свидетельствует, что динамичные изменения, произошедшие в восприятии женщин под влиянием военного фактора, были связаны не только с возрастанием их роли в экономике («феминизация» и активное вовлечению женщин в прежде запретные для них отрасли и профессии) и общественной сфере (создание и деятельность женских общественных организаций), но и утверждением женщин в армейском строю. Принимая на себя мужскую роль защитника, женщины бросали прямой вызов традиционным гендерным концепциям патриотизма и гражданства. Однако, далеко не все принимали такие «неженские» роли и разделяли энтузиазм в отношении женского патриотизма.

Уже в первые месяцы войны россиянки активно заявляли о своем желании встать в ряды армии и участвовать в защите Отечества. Однако у царского правительства не было последовательной политики в отношении женщин, стремившихся на театр военных действий. Женщина-солдат представлялась аномалией, поэтому заявления россиянок с просьбой отправить их воевать отклонялись [2, с. 42]. В своём желании попасть на фронт девушки проявляли завидную настойчивость и изобретательность, проникая, как в прежние времена, на передовые позиции под видом мужчин. Женщины, награжденные Георгиевскими крестами, получили такую возможность лишь потому, что выдавали себя за мужчин и награждались как мужчины [3, с. 107–108]. Основная же масса женщин с началом войны осуществляла традиционную благородную миссию – медицинскую помощь.

Неудачи, сопровождавшие русскую армию на фронтах Первой мировой войны, вызвали к жизни новые женские инициативы и расширили практику использования женщин в армии. Кроме привлечения сестер милосердия, врачей различных специальностей были предприняты попытки формирования специальных воинских подразделений из женщин-добровольцев: караульных рот, команд связи, по охране железных дорог и с чисто боевым назначением. Созданный в 1917 г. из числа добровольцев «Женский батальон смерти» под командованием М.Л. Бочкаревой впервые принял участие с оружием в руках непосредственно на передовой [2, с.47–48]. Появление специальных женских воинских частей было, с одной стороны, проявлением инициативы самих россиянок, стремившихся не допустить развала фронта и предотвратить массовое дезертирство солдат, а с другой стороны, по вполне понятным прагматическим политическим причинам, получило поддержку Временного правительства и командования русской армии. Призвав добровольцев женского пола на фронт, правительство и военное командование рассчитывало их примером вернуть воинов в окопы, ослабить революционные настроения в армии [4, с. 39–40]. Однако на пути интеграции женщин в армию главным препятствием стали устойчивые гендерные стереотипы и предубеждения относительно военной службы женщин. Появление подобных женских формирований фронтовиками-мужчинами было встречено с определенной долей скептицизма и даже неприязни. Показателен в этом отношении факт, когда в одном из боев близ Сморгони женский батальон, двинувшийся в атаку, не был поддержан соседними частями и фактически брошен на произвол судьбы [3, с. 111]. Оказавшись на службе в армии, женщины вторглись на традиционно «мужскую» территорию, начали выполнять их функции. Со стороны мужского большинства это не могло не вызвать негативные эмоции и попытки занять утраченные позиции в военной сфере зачастую путем дискриминации женщин.

Принадлежность женщин к своему полу перестала быть препятствием для внедрения добровольцев из их числа в армейскую среду с официальным провозглашением большевиками в первые годы советской власти равенства полов. Политика советского правительства, направленная не столько на женскую эмансипацию, сколько на привлечение женщин к решению задач социалистического строительства, в условиях укрепления обороноспособности государства определила необходимость прохождения воинской службы женщинами. А. Коллонтай считала воинский труд женщины средством обеспечения ее фактического социального равенства: «С призывом женщин в войска окончательно закрепляется представление о ней как о равноправном и равноценном члене государства» [5].

В рамках так называемой «военизации» женщин широкий размах получило обучение их военному делу. При заводах, фабриках была организована целая сеть военных учебных пунктов, где женщины и девушки овладевали военными знаниями. Впервые для женщин были открыты двери военных академий. Приведение в жизнь идеи равноправия полов нашло свое отражение и в принятом 1 сентября 1939 г. законе «О всеобщей воинской обязанности», согласно которому женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную и специально-техническую подготовку получали право быть призванными в армию и на флот для несения вспомогательной и военной службы [6, с. 126].

Эмоционально и интеллектуально сформированные в межвоенное двадцатилетие эмансипации, тысячи женщин с началом Великой Отечественной войны ушли

добровольцами на фронт, утверждая за собой равные с мужчинами права на защиту Отечества. Великая Отечественная война ознаменовалась не только огромным увеличением количества женщин на театре военных действий («феминизацией» армии), но и участием их в различных сферах боевой деятельности во всех видах вооруженных сил и родах войск. Общая численность женщин, вовлеченных в боевые действия на стороне СССР, составляла 800 000 человек, были созданы специальные женские воинские формирования – три специальных женских авиационных полка, женский запасной стрелковый полк, женская добровольческая бригада, Центральная школа снайперской подготовки [6, с. 137, 187].

Колоссальные потери советских войск на начальном этапе войны привели к тому, что наряду с добровольным вступлением женщин в ряды Красной Армии, в СССР была проведена массовая мобилизация женщин на службу в действующую армию и в тыловые соединения. Помимо обязательного призыва женщин-врачей, студенток медицинских вузов, в 1942 г. и последующие годы Народным комиссаром обороны было издано ряд приказов о мобилизации женщин и девушек для несения военной службы в войсках противовоздушной обороны, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах и т.д., с целью высвобождения для фронта мужчин, годных к строевой службе [см.: 3, с. 227–237]. В рамках обязательной мобилизации, советское правительство не останавливалось и перед применением жестких мер через ВЧК и военные трибуналы к уклонившимся от призыва [3, с. 141]. В тоже время государство проявляло заботу в отношении женщин-военнослужащих, наделяя их дополнительными правами и льготами. Так, согласно приказам наркома обороны 1942–1943 гг., им отпускалось дополнительно мыло, некурящим – вместо табачного довольствия – шоколад и конфеты [см.: 3, с. 146].

И все же, несмотря на открывшиеся значительные возможности для женщин внести посильный вклад в защиту Отечества, одной из сторон сложного феномена массового участия советских женщин в Великой Отечественной войне стало неоднозначное отношение военного мужского большинства и общественного мнения в целом к присутствию женщин в боевой обстановке и в армии вообще [7, с. 165]. Гендерные стереотипы, связанные с социальной активностью женщин, определили устойчивое неприятие женщин в традиционно «мужской» сфере. Появление в рядах армии представительниц женского пола не только возмущало и тревожило мужчин на фронте, но и в тылу бытовали своеобразные представления о роли женщин на войне, породившие насмешливо-презрительные термины ППЖ (походно-полевая жена) или «рама».

Признание высоких патриотических настроений среди женщин в сложных условиях оккупации определило широкую политическую поддержку включения женщин в партизанское движение. История не знала столь массового участия женщин в партизанском движении, как в годы Великой Отечественной войны: около 10 процентов от участвовавших в партизанской борьбе были женщины и девушки, в отдельных отрядах они составляли четвертую часть партизан [6, с. 204].

Однако, несмотря на то, что именно партизанки в советской пропаганде стали символом патриотизма и высшей преданности своей Родине, характер участия женщин в партизанской войне оказался под влиянием устойчивых гендерных стереотипов. Декларируемое советским государством равноправие полов в военной сфере не отвечало реальному положению в партизанских отрядах, где их появление со стороны мужского личного состава было встречено с недоверием и настороженностью. Если женщины-медики, связистки, а также занятые на хозяйственных должностях (кухонные работницы, пекари, прачки, швеи) еще укладывались в традиционные представления о социальных ролях женщин, в остальных же занятиях, связанных главным образом с присутствием в боевой обстановке, женщинам приходилось преодолевать сложившиеся предубеждения: «не женское это дело». Показательно в этом плане выступление на бригадном женском собрании в 1943 г. одной из девушек-партизанок: «На нас смотрят в бригаде «сквозь пальцы». Многие девушки со слезами на глазах просят на боевые операции, но их командиры не берут. Часто приходится слышать от бойцов: «Куда ее на боевую операцию –

баба она» [8, л. 105]. Факты, когда женщины и девушки часто не допускались к участию в боевых операциях по причине субъективного отношения к ним командного состава, содержат и отчеты о деятельности партизанских формирований, хранящиеся сегодня в Национальном архиве Республики Беларусь: «Женщин в партизанских отрядах большое количество, однако в боевых подразделениях их мало. В большинстве случаев женщины-партизанки используются на хозяйственных работах...» [8, л. 203].

Как свидетельствуют архивные документы, подобные прецеденты, связанные с «недооценкой роли женщин в партизанской борьбе» неоднократно становилось предметом специального обсуждения высших, а также местных партийных и комсомольских органов. Характерным является подготовленное по итогам такого обсуждения письмо одного из секретарей райкома КП(б)Б к командирам, комиссарам бригад и секретарям партийных бюро партизанских отрядов района, где перед партизанским руководством ставились задачи: пересмотреть работу, которую выполняют женщины, и заменить их на кухонной работе менее способными в боевом отношении мужчинами; организовать систематическую боевую и политическую учебу женщин-партизанок, создавая из их числа отдельные боевые подразделения [9, л. 52].

И хотя в годы Великой Отечественной войны в партизанских отрядах значительная часть женщин была задействована в строевой службе, получила распространение даже практика создания особых женских отделений и взводов, отношение к ним оставалось далеко не однозначным. Многие мужчины, испытывая чувство вины перед женщинами за то, что они оказались на войне, проявляли к ним снисходительную опеку: «Будь осторожна, сестренка, ведь не вам таким слабым и маленьким воевать. Воевать нужно нам – сильным мужчинам, а вам только венки плести из цветов» [10, л. 13].

Таким образом, женское участие в войне стало не только реализацией их высоких патриотических настроений, но и формой гражданской самореализации и эмансипации под влиянием военного фактора. В свою очередь, политика правительства, направленная не столько на женскую эмансипацию, сколько на привлечение женщин к решению задач обороноспособности государства, определила официальное признание за ними равного с мужчинами права на защиту Отечества. Несмотря на открывшиеся в чрезвычайных условиях значительные возможности для женщин в продвижении «вперед» в военно-профессиональной деятельности и окончательное утверждение их в армейском строю, характер участия женщин не только в Первой мировой, но и Великой Отечественной войне оказался под влиянием устойчивых гендерных стереотипов в отношении военной службы женщин, а фронт остался преимущественно «мужской» сферой.

1. Behind The Lines. Gender in the Two World Wars / Edit. M. Hifonnet, J. Jenson, S. Michel and others. – New Haven and London, 1987; Elshtain, J.B. Women and War / J.B. Elshtain. – New York, 1987; Щербинин, П.П. Военный фактор в повседневной жизни Русской женщины в XVIII – начале XX в. / П.П. Щербинин. – Тамбов: Изд-во Юлис, 2004. – 508 с.
2. Щербинин, П.П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. / П.П. Щербинин // Вестник ТГУ. – 2004. – №3 (35). – С. 42–49.
Иванова, Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах / Ю.Н. Иванова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 272 с.
Абашева, Ж.В. Участие женщин в воинских формированиях российской армии в период Первой мировой войны / Ж.В. Абашева // Метаморфозы истории. – 2014. – С. 24–42
Рыков С. Слабый пол в сильной армии // Независимая газета. – 2000. – 30 марта.
Мурманцева, В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне: 1941–1945 / В.С. Мурманцева, – М.: Мысль, 1979. – 293 с.
Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России / Е.С. Сенявская. – М.: РОССПЭН, 1999. – 383 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 63п. Оп. 16. Д. 1.
Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 1350. Оп. 1. Д. 108.
4. Государственный архив Витебской области. – Ф. 9742. Оп. 2. Д. 109.